

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК ИЮНЬ-76

Я-и Север, я-и время

Обзор почты клуба

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТЮМЕНСКОГО ПОЭТА Владимира Кочкаренко

Трудно писать о человеке в прошедшем времени. Был, говорил, писал. Еще труднее даются эти строки о товарище, близком тебе по взглядам, по духу, по отношению к литературному творчеству. Немало можно сказать, что Володя Кочкаренко больше нет. Он ушел так преждевременно так скоропостижно, что мы все еще не верим в реальность его смерти. Уйти из жизни в расцвете творческих сил и таланта — самое неслучайное, необычайное, непостижимое что может преподнести время.

Он обладал многими качествами и так скоро, что хватило бы десяткам людей. Большой друг «Северного огонька», он так и не успел прилететь в наш город для творческой встречи. Не успел, не смог... А память убожеству вырисовывает его образ — поэт, редактор, человек. Острый критический ум, дружная широта замечательная, радушная общительность.

удивительно уживались в нем с добрым отзывчивым, нежным и любящим сердцем. Оно могло вместить так много полских печалей горечей обид, могло так сострадать надеяться и верить, что не выдержало в конце концов. И остались только его стихи, его книги, его незаписанные таверские блокноты.

Его любили все, кто близко его знал. Не любить его было просто невозможно. Ему прощались острые полемические выступления на семинарах критические замечания, притому потому что во всех его словах была сама справедливость и правда. Он был предан поэзии весь до мозга костей до последнего дыхания жизни. Он писал стихи всюду, как и читал. Он не мог не читать их даже в минуты одиночества или шумного дружеского застолья. А как знал и великолепно читал он Блока, Пастернака, Вознесенского, Евтушенко.

Знал читал. Никогда не прозвучит голос поэта, обаятельная струна его поэтической души. А для друзей «Северного огонька» остаются его письма, дружеские шуточные поздравления и стихи, стихи, стихи... И самая добрая, тихая, светлая память.

Не придет заветное письмо С почерком летящим на конверте, И подожже на тысячу Неснимаемое вето — вето смерти.

Май трезвокая бубной Обнажался мир, рождался

Но писались кровью в слезой Эти памятные строки

Книг твоих не отдадут в музей, С жизнью связь обрывает, как нитка.

Но ты жна ты жив в сериалах друзей — Голос, ум, плащущая улыбка...

Дел твоих друзья не предадут.

Не дописано тобой — они допишут, За тебя долобят, доживут, И дорадуются жизни, и додышат.

Из сборника стихов В. Кочкаренко „Леса поют“

Сидит на пне нахохлившая птица и думает, как зиму пережить. А на дороге сидит садится синие мороза день и ночь И в окна, нан в подставленные льдики думает лучинкой свет. И снятся сны И знобит раздается. И словно никого на свете нет, чтобы пришел и все с собой понес. Так было в слове помолчать дождю, он пенял бы и рожу молча поднимал за зрелость в спиритом домине мела. Не за мою — за твою время. Нет никого И мы с тобой сиди А наша пенька разгорелась, и по потемным прыгают огни. Где маха юность где гол день летящий когда дедушка лежал от любви мне устно говорил о Веселенной а во Веселенной ниле (снобной?) Ты, время, направишься струною, гудя над миром плача и веселья, И нехота встречать тебя со знобу, грубости, когда тебе не до меня. А тут у нас избушка на да синяя дорога вперед, да птица на опушечной манушине

нахохлена от холода сидит. Мои глаза глядят прямой и нестче, совсем иным на свете дорожка. Ты словно время. Не и л. Не прошле, чем тот который юность прощонал. Сидит снег на иршшу и на ветви, в окне синичкин белые мазки, их ханисость зануривает ветер. Сидит снег чуть-чуть задев виски...

КУКУШКА
Прошелся дождик вертуном и мелким бесом Кукушка будто метроком, за ближним лесом Кричи любезная кричи — года ца яляты Тебе конечно нет причин со тной дуванты. И мне конечно нет причин прощаться с белым прекрасным светом, что горит веселым хмелем. Лети любящая земля, под облаками зеленых веток вензеля — душе на память Лесную речку повстречал и отражаюсь. Не умираю но сейчас

опять рождаюсь. И не печально, но грущу и слез не крошу. И сердце снова отпущу в лесную крошу. Моя земля, моя вода и люди, люди, что с вами станется, когда меня не будет? Сосна, тогда кому звать, каковы макушки? Кому ты будешь без меня кричать, кукушка?

В ОЧЕРЕДЯХ
Там мы от холода прощали на улицах и плащущая до время слово на иринялах, писалось на очередях полпредом партизанной дивизии — химическим карандашом. Мы молча подтирали стены и понимали хорошо, что надо выстоять с огромной полуголодной страной На коме с холода багровою, то номером очередной, как документ, нам прощусь на в зятра. Кто это сможет пераждать? Сегодняшний дождик стелет столы с нами в тех ридях. Сегодня сын поймет не очем, нан л, бредя через снега, мельчайший сахара кусочек не ел, для мамы сберегал.

НЕ помню уж, у кого первого из «огоньковцев» возникла мысль делать краткие обзоры стихов, присланных в редакцию по почте. Да это и неважно. Важно, что, отвечая на письма любителей поэзии, читая бесхитростные доверчивые строки, как бы приобретаешь к сокровенной струне души человеческой. Поэзия... Светлый родник прекраснейших творческих свершений и в то же время — тяжкий труд, требующий огромного напряжения нервов, широты знаний, беспредельной любви к Родине, природе, людям. И, конечно, таланта.

Редостно сознавать, что не скудеют ряды любителей поэзии; приятно, что сургутяне разного возраста, различных профессий сами пробуют перо литературного творчества. Каждый месяц почти «Северного огонька» приносит членам клубе и радость, и сожаление, и грусть, и разочарование. И всегда — доброжелательство. Ведь люди выносятся на суд самые чистые, самые светлые, самые вдохновенные порывы своего сердца, не скудеющего на ласку, удивительную доброту и неприимчивость к любым проявлениям зла.

Вот пишет Сергей Запаса, ветеран войны В. А. Пискарев: «Но не склонилась люди головою перед фашистским грязным снопом». И пусть произведение его в целом несовершенно, но зато строки — искринки, им всем верши сразу и окончательно. Фронтники оведал, превзо не эти строки он оплатил кровью и выразил в них все величие подвига советского человека.

Приметы времени, трудовую романтику Пробыа горячо описывает бульдозерист П. С. Андреев. Он недавно в наших краях, естественно его удивление всем увиденным здесь. Его воображение потрясено поистине героическими трудовыми успехами простых советских людей. Он сам строит железную дорогу. И не кажется случайными выданные им строки: Здесь лгут рельсы бесновечно, По ним прочтается поэзия. Мы ж трагосой — памятником вечным Потомкам встаетм инвесага. Задания всдастой патилетики, плести, свершения. Как много стоит за этими сухими словами! Сургут — три Всеосознанные ударные стройки. И появляется Уренгой в бесхитростных строках В. И. Яркова! Да был наш суров, неустроим, Да, первому трудно идти.

Не будет наш Север осязать, Здесь лгут стальные пути. Помчатся победы составы. Горюшка дышащих составов. Полярные ветры октава. Про податг продажат манат. Всегда для подобных маршрутов. Дошли мы, дошли до Сургути. А дальше — «Даешь Уренгой!». Трудные подвиги старших завет за собой молодежь. А ве волнует не только романтика тяжелых будней. Молодежь сегодня болеет за судьбы всех народов мира. Вьетнам, Ангола, Чили — светское юное поколение чувствует себя частью многогосударственного народа этих стран и чувствует их героические борюва за свободу. Решетка стальная. Квадраты железа. Иссякшие щемн. Силуи ветра развалин. Через застенки и революеры Смотрят Луиса Альберта глаза. Настанет время. Среди развалин, Где сегодня творят убийства, Взбунтуется сердце вновь ронденного для борьбы за свободу миллида.

Непрелюбно, Исполненное. Сбросит сердце ономы. Непобеденное! Неугнетенное! И жизнь занипит в нем сномай. Сколко юношеской непосредственности, боли и горечи за первых чилийских патриотов верны в торжестве их дела в стихотворении Л. Шинювской «Сердце чилийца», посвященном памяти Луиса Альберта Корвалана. Да, молодежь волнуат судьба планеты. Она за все в ответе на этой голубой многомиллионной Земле. Любить ее — что может быть прекраснее, патриотичнее, выше для современного человека!

Она добра, как солнце в день июньский, Щедра, как урочая больших полей, Она прекрасна, как березка русская. Нет лучше Родины моей. Этии задушевными словами сургутянки Людмилы, Оробей, одной из сотен пишущих стихов, сегодня заканчивается литературный обзор июньской почты «Северного огонька».

Многие из этих любителей поэзии никогда не станут поэтами-профессионалами. Это вовсе не обязательно и не там уж важно. Главное, что в их сердцах, растут ревомонетных душах удивительно приметы времени, сегодняшняя бытия. В их словах, строках, рифмах нет равнодушия, есть нежность и забота о всем живом. **Н. МАЙБОРОДА.**

Любен Лачански — из соличной Болгарии, учится в Литературном институте имени Горького. Сокурсник Любена наш земляк Николай Шапсутдинов перевел несколько стихотворений болгарского поэта. Одно из них предлагается вниманию сургутян.

Л. ЛАЧАНСКИ
СТАРОСТЬ
Закуржавели вихры, Синовью вырастают завиданы... Гул стоит над колодами, Что задуман и мною взращен, А в просторных подвалах Толпятся тижельные вина — Скоро свадьба заманит, зезвая, Пурпурным плещом. Говорят, что устал, постарал от тревог... Не приимлю, Я поля засеваю, Ну в собрано счастья — тройное. Домин мой у холма, Осеняя священную землю, Обелиск над холмом

Смотрит в сердце горячее Мня. Я останусь таким В том доме под рескистыми небом. Где мне дедова песня Впервые гортан обожгла. Не сфалшивил ни в чем. Не сплетай мне, не долета... Одного я коучу — Чтоб она в синовях прожила. Я останусь таким в вашей памяти Не на стелетия, Я, бываает, грущу. Но, легко отрицая хмелю, За окном моем замед, Пускают счастливые дети, И веселье клички, Как ливень, тучат по стеклу.

Н. ЗАБОЛОТНЕВА
Скажи, что кроется в молчаливости? — На расстоянии мы все равно вдвоем. Ответь по-честному. по-честному измери: Зачем для памяти своел захлопну дверь И выстави бездумно за порог Меня одну в раздужичность дорог, Тревог, сомнений, страха и

надежд? Беа пышнословных, призрачных одежд — Как без меня тебе жидется одному? За подаянием руки не протяну — Не надо крох с богатого стола, Коль на пиру не я с тобой была. Не я — и неспоконность бытия. Не я — и совесть горькая твоа. Скажи, скажи. Држишь отчужднй лист, И первый снег до измаления чист,